

ПРОЩАЛЬНЫЙ НОВЫЙ ГОД

Тихое зимнее утро. Зимнее такое презимнее... Я только-только просыпаюсь. Напротив моей кровати стоит книжный шкаф и радуется новому дню, косясь на плотно законопаченное окно. Он уже сам поблескивает малиновым солнечным отсветом, неровно разлегшимся и пригревшимся на книжных переплетах. Книги будто улыбаются. Даниэль Дефо, Майн Рид, Ефремов, Рафаэль Сабатини, Джек Лондон и русские сказки — все перепрочитано и прочно впитано в кровь моим детским организмом. От всего этого веет странствиями и приключениями, и на душе становится радостно. Однако, если вспомнить, что сейчас зима, то в книгах что-то такое есть у Джека Лондона, Г.Х. Андерсона, а уж больше всего в русских народных сказках. В общем, настроение переполняет душу, еще бы — сегодня будет Новый Год!

В соседней комнате уже стоит елка, а под ней лежат подарки. Их положили туда мама с папой, а может и Дед Мороз, какая, в сущности, разница — все они очень хорошие люди и умеют делать Новый Год. Я сладко потягиваюсь, вскакиваю и бегу к елке... Мне 7 лет.

Так было. Так было всегда, так было совсем недавно. Сегодня 31 декабря, а значит сегодня тоже Новый Год. И это хорошо, хоть я уже не ребенок, а студент и лежу не в домашней кровати, а на койке в общежитии, и меня не ждут никакие подарки, и вообще, чему радоваться — человечество постарело на целый год. Стареем и мы. Этот Новый Год — наш последний Новый Год в общежитии. Пятый курс. Осталось выполнить дипломный проект — и прощайте, друзья и подруги, прощай веселуха семестров и

кошмарики сессий, прощай, славный старый город Переяславль, город мух и студентов!

В комнате, собственно говоря, уже никто не спит. Читает книгу Миша Катков; у себя в деревне он бы уже давно встал, но не хочет мешать остальным. Поочередно то закрывает, то открывает, то один, то другой глаз Серега Демушкин, он так одновременно мечтает и вслушивается в свое самочувствие. Развалился на спине и закинул руки за голову Шура Бадацкий. Что творится в его голове на этот раз никто не знает, да лучше и не знать. Ведь прошлый праздник нам по его инициативе довелось натерпеться страху, правда, потом было на что погулять. Я, понятное дело, тоже не сплю. Не сплю и постепенно из детских воспоминаний загружаюсь в злободневную обстановку. А злоба этого дня банальна и всеми предсказуема: денег у нас как всегда нет, но праздник мы как всегда отпразднуем. Причем, если принимать во внимание наши богатейшие душевные качества, мы сегодня не просто отметим дату, а уйдем в отрыв, впрочем, как всегда...

— Ну вот, как всегда, нету денег, — вдруг подает голос со своей койки Демушкин.

— Но праздник мы, как всегда, отпразднуем! — ровным голосом подхватывает Катков, который, пожалуй, единственный из нас мог бы запросто обойтись без застолья. Ну и, даже лучше бы ему было.

А все же, почему “как всегда”? У нас каждый раз что-нибудь...

— Это почему, “как всегда”? У нас каждый раз что-нибудь новое, оригинальное, — с радостным взгласом вскакивает с постели Шура, — мы сегодня должны уйти в отрыв! Кому, как не нам будоражить молодые умы членов и членок младших юношеских курсов. Если, к примеру, придерживаться законов армейского устава, мы с вами — деды, а они — салаги, мы должны есть, спать и веселиться, а они — все остальное.

— А ты знаешь, что за эту дедовщину нам может быть, — поспешил вовремя остановить шуркины фантазии Катков, — выговором не отделаешься. Или ты уже все знания получил и диплом государственного образца считаешь чистой ненужной формальностью?

— Да, — поддержал его Демушкин, — а кроме всего прочего, это не по товарищески по отношению к молодежи.

“Ну да, это нехорошо — обижать младших, мы им, наоборот, должны помогать” — подумал я, — “нам, в свое время, старшие только помогали”.

— Ну вы все спятили, что ли, — выкатил в недоумении глаза Бадацкий, — причем здесь дедовщина? Мы просто должны показать пример, войти в новый год в первых рядах передовой, слегка продвинутой молодежи, так сказать. Нужно, чтобы было весело, нужно, чтобы не было грустно, нужно, чтобы был праздник и не нужно чтобы праздника не было. Вот, что я имею ввиду.

— Ба! Да я понял! — наконец решил вступить в дискуссию и я, — Шура, ты просто молодец! Я, кажется, догадался. Ты ради праздника хочешь продать свою новую джинсовую куртку, что тебе подарили на день рождения. Вообще-то, это — поступок.

— Размечтались, — ехидно фыркнул Бадацкий, — эту куртку я не отдам даже декану. Вы сможете снять ее только с моего остывшего трупа.

— Как раз с остывшего это сделать намного тяжелее, — выдал справку Демушкин, — особенно если твой труп уже зачоченеет.

Нужно сказать, что Сереге в жизни приходилось повидать всякое, в том числе и много такое, что если было бы можно, то он навсегда бы позабыл. Так что, в этом случае он явно знал, что говорил, и это было видно.

— Тьфу на вас, мародеры, типун вам на ваши сухие шершавые языки. Пять лет вместе проживаем в этом четырехместном вертепе, а вы еще не научились угадывать мои мысли. Будь вы поумнее, давно бы начали общаться между собой молча.

— “Вся жизнь — вертеп, а люди в нем ...” — начал было я вспоминать Шекспира.

— Вот-вот, — с досадой посмотрел на меня Шура, и продолжил — “Что плющ, повисший на ветвях. Когда раскидистому клену, он обовьет и ствол и крону. Плющ юн и свеж, а клен зачах”?

— “Ты и нам казался вот таким же кленом, только не зачахшим...” — вдруг продолжил Катков и, не зная как закончить, посмотрел с надеждой на нас с Серегой Демушкиным.

— А пустым и звонким — приземлено по-пролетарски закончил Демушкин.

— Чудилы! — я привел слова великого Лопе Де Веги! — воздел руки к потолку Бадацкий.

— А я, не менее великого — Сергея Александровича Есенина, — сказал Мишка.

— А ты, чьи слова привел ты?! — подойдя к Серегиной койке, заняв приличествующую позу и указуя на него перстом, как на плакате “а Ты записался добровольцем?!”, патетически воскликнул Шура.

Серега вылез из под одеяла, быстро надел штаны и, накинув на шею полотенце, направился к выходу, чтобы умыться. В дверях он задержался и, увидев, что ответа от него до сих пор ждут, выкрикнул, перед тем, как хлопнуть дверью: “слова Народные!”.

К разговору о дедовщине, вертепе и празднике мы вернулись чуть позже, уже за завтраком.

— Вот что, братцы мои, — умиротворенно начал Бадацкий.

...Надо сказать, что когда Шура ест, или пьет чай, он становится очень добрым человеком, эдаким почтенным отцом семейства, жизнь которого

удалась и поэтому жить ее нужно медленно и полновесно. Байковая клетчатая рубашка и вовсе делает его как-то по особому домашним. Глядя на Шуру, в это время и сам невольно успокаиваешься и добреешь. А за окном тут же расступаются облака, давая узенький проход милому с детства малиновому отсвету, посланному из холодных космических далей кем-то большим, теплым и заботливым. Отсвет падает на прибитую над кроватью Каткова полку, высвечивая корешки книг по тензорному анализу, лямбда исчислению и даже наполовину затрагивает толстый справочник по высшей математике. Настроение кусочно-непрерывно стремится к оптимуму. А что вы хотели, ведь сегодня — Новый Год!

— Так вот что, братцы мои. Мне думается, этот праздник должен стать для детишек младших курсов как бы домашним. Пусть они вспомнят свои еще более юные годы, про маму, папу, бабушек и дедушек, и ..., — тут Шура немного задумался, но быстро что-то вспомнив, добавил к общему списку, — и двоюродного дядю по материнской линии.

И хоть на счет дяди не все были с ним согласны, никто из нас на этот раз не хотел его перебивать, так как было похоже, что Бадацкий говорит дело.

— А чего в Новый год не хватает детям? Ну конечно же Санта Клауса! Он должен прилететь из Норвегии с приветом от Снежной Королевы и заронить в их сердца по кусочку... Э... Любви и процветания. В большей части это, естественно, касается студенток. Хотя и юноши тоже не должны быть обойдены вниманием, ну, хотя бы уже для полной правдоподобности происходящего. И хотя я не полностью уверен в наших силах, — здесь он выразительно посмотрел на Демушкина и Каткова, — но мы должны постараться принести счастье в каждый дом. Пусть счастье льется через край (при этих словах Шура отлил горячий чай из своей кружки в блюдце), но напиток (а при этих словах Шура отхлебнул из блюдца) сегодня должен каждый.

В этом месте Миша Катков не выдержал и начал возмущенно привставать со стула, но Шура его ласково остановил, погладив рукой по плечу и добродушно кивнув, дескать “понимаю, но я не в том смысле”.

— Нет — нет, не в том смысле, Мишка, не в том, а напротив, в глубоко переносном, хотя, если задуматься по—трезвому, одно другому не мешает. Итак, я подхожу к главному: мы все должны стать сегодня Санта Клаусами. Кстати, это поможет решить детям проблему веселья, а нам — остро стоящий продовольственный вопрос. В качестве весомого довода я приведу факт, о котором вчера узнал между прочим по государственному радио. Оказывается, в Норвегии Клаусов много, что-то такое около батальона или, может быть даже дивизии. Так что, на такую большую общагу нас четверых

будет даже маловато. Но мы выдержим, мы выстоим, мы победим. Наше дело маленькое — враг будет разбит, победа будет за нами!

Тут Бадацкий откусил большущий кусок булки, которую мы уже традиционно ели на завтрак, и стал не спеша жевать, дав тем самым всем нам понять, что речь его закончена.

— Да уж, — с явным недоверием покивал головой Демушкин, — представляю себя в роли Санта Клауса.

Тут мы с Мишкой расхохотались. Представить в такой роли Сережку Демушкина, смуглокожего, тощего, сильно горбившегося и с привычкой нервно потряхивать головой, оставшейся у него еще со времен интерната, действительно было практически невозможно.

— Это вы очень напрасно, — возмутился Шура, — кто вам сказал, что их Клаус бодрый полнотелый мужик с бородой, лет слегка за шестьдесят, как наш Дед Мороз. Я, как раз, говорю о Санта Клаусе, — он сделал акцент на слове “Санта”. Ведь это — их, буржуйский Клаус, Клаус уходящего и загнивающего капитализма. Потому он и чахлый, и говорит невнятно, и вообще чудак в бытовом смысле этого ругательства.

— Слушай, Бадацкий, это ты чудак на букву “Б”, — вспыхнул Серега, — во всех смыслах этого ругательства.

— Ну, ну, прости, не огорчайся, — стал извиняться Шура, — я ведь не о тебе это говорю, а об этой буржуйской сволочи — Санта Клаусе. Это он — старый и немощный, а тебе всего 22 года, но сыграть бы ты его мог, так как я вижу в тебе большой наглухо запрятанный талант.

— Ну и его, Санту, не следует называть сволочью, думаю, он вовсе не заслуживает такого эпитета. Я думаю, он, как раз, по социальному происхождению из трудящихся.

— Конечно-конечно, именно из трудящихся, — не стал разочаровывать Демушкина Шура, — Санта Клаус, как одна боевая единица, совсем не сволочь, а вот когда их много — это уже другое дело. Это же Петр I еще издавал указы сволакивать с посадских дворов и т.п. по столько-то душ для строительства Архангельских верфей, а с окольных мест и прочую сволочь использовать для черных работ. Так вот и Клаусов этих откуда только не волокут. Ты же, Демушкин — совсем другое дело, ты — белая кость под смуглой кожей. В твоей крови чего только голубого не течет. Кстати, насчет белой кости, может нам тебя переодеть в Снегурочку? — Шура засмеялся, — шучу, шучу, ты чего так насупился, праздник же скоро, гляди веселей.

Разговор наш продолжался долго. Каждый высказывался в пользу артистических способностей всех остальных, свои же способности считал скромными, не достойными внимания не только широкой, но даже камерной публики, которой и являлись теперь наши соседи по общежитию.

В конце концов, Бадацкому хоть и не удалось никого из нас уговорить на роль Санта Клауса, но он все же достиг весьма серьезной победы: ему удалось убедить нас, что мы по своему театральному таланту, как минимум, не хуже тех актеров, которые снимаются в голливудских кинолентах. В любом же случае, участвовать в празднике хоть каким-нибудь образом хотелось каждому, поэтому решение главного вопроса принято было отложить до вечера. К тому же, при рассмотрении мелочей выяснилось, что у нас нет театрального реквизита, и не то чтобы шуб и шапок, а даже банальных бороды и посоха. А самое главное, к детям нельзя было приходить без подарков. И хотя подарками можно было бы считать любую дешевую чепуху, но у нас по этому поводу не было не только этой чепухи, но и никаких идей по ее добыче. В таких случаях, как заявил Бадацкий, “люди обычно протягивают руку друзьям”. Лапидарность высказывания заключалась в плотном объединении двух вариантов: “протянуть руку на паперти” и “обратиться к друзьям за помощью”. Демушкин на это сказал, что оба варианта ему знакомы и что “воровать — еще хуже”. На том и порешили.

Однако, дальше день полетел быстро и втянул нас в бушующее море событий, практически уже происходивших как-то самими по себе. Мы сделали уборку, и пошли по друзьям искать театральный реквизит.

Быстрее всего удалось отыскать усы и бороды, вернее материал для их изготовления. Это была старая матрацная вата. Она была клочкастая, замусоренная множеством соринки различной этимологии и цвет ее был кое-где серым, а где-то и даже желтым. Белых фрагментов в вате не было, но нас это не пугало, — мы понемногу стали входить в азарт. Первые успехи нас заметно приободрили. Народ с явно выраженным удовольствием спешил нам на помощь, как только узнавал величие и чистоту наших помыслов. Чаще всего нам помогали советами, и не только потому, что страна была такая, а попросту не было у студентов ничего. Голодными были, а чего уж говорить об одежде. И советы были такие: “вы еще у Васьки — Зеленого Змия спросите, ему недавно мать валенки прислала” или “Луку с четвертого курса вчера видел, тащил к себе черенок от лопаты, может и сойдет за посох”. Через пару часов многое удалось найти. Красный халат, вернее, конечно, светло-коричневый, одолжили в каптерке у уборщицы, валенки на время за бутылку пива в будущем дал Васька, а посох, служивший перекладной в одежном шкафчике Луки, нам был и вовсе подарен, так как в шкафу оставалось еще три настенных крючка, и их для всей одежды хватало с запасом. Кто-то из друзей навязал нам широкий синий в черную клетку шарф и белую длинную юбку, сказав, что все это обязательно пригодится. Потом оказалось, как в вещую воду глядел.

Ко всему прочему удалось выяснить, что мы плохо представляет себе Санта Клауса и, соответственно, его реквизит. Оказывается, он должен быть в красной короткой куртке без воротника и на пуговицах, на ногах — обычные теплые ботинки. Совсем другое дело Дед Мороз. У того должна быть не куртка, а шуба без пуговиц, но до пола и с меховым воротником, не красного, а синего, по старинному русскому обычаю, цвета, а кроме того — еще заснеженный сверху посох и кушак, то есть широкий пояс. Вот так, и никак не иначе.

Что получалось у нас. У нас выходил список инвентаря:

- 1) валенки (настоящие) — 1 шт.,
- 2) посох (черенок лопаты) — 1 шт.,
- 3) пояс широкий (шарф) — 1 шт.,
- 4) ботинки теплые (свои собственные) — 4 пары(!),
- 5) усы и бороды (матрацная вата) — 1 кг.,
- 6) все, больше ничего не было.

Самый приблизительный и грубый анализ всех богатств показал, что если что и получается, то это — Санта Клаус (1 шт.) . И это было еще хорошо. А вот плохо было то, что вся общага знала, что мы устраиваем представление с множеством персонажей. Так и получилось, что роли пришлось разнообразить. Клаусом был единодушно избран Бадацкий. А кто мог быть еще? Дед Мороз? Хорошо бы, все же посох есть, пояс, валенки, даже ватный воротник можно смастерить, а где взять синюю шубу? Можно нарядиться лешим, медведем или волком, но эти персонажи еще более затратны по реквизиту. Думали долго. И решили. Список сказочных существ в последней редакции зафиксировать таким:

- 1) Дед Мороз (достать шубу);
- 2) Санта Клаус (есть все);
- 3) Олень, который всех везет (нужны только рога);
- 4) И ... Снегурочка (есть юбка, а больше ничего и не надо).

Клаус был определен. Нужно было раздать оставшиеся роли. Вот как рассуждал Шура Бадацкий:

— Кого сделать Дедом Морозом? Логика простая, опишем его приметы: высокий, широкий, глаза голубые..., — он посмотрел на Каткова, которому только одному все это подходило, и добавил, проникновенно глядя ему в глаза — в меру туп, — и уже обращаясь ко всем нам:

— Ну а кем еще можно нарядить Мишку, Снегурочкой?! Кстати, с ней вопрос тоже ясен. Основные приметы: маленькая, худенькая, Все время молчит, глаза умные, — и, с деланной нежностью посмотрев на Демушкина, также проникновенно добавил:

— Это ничего, что ты не красавица и немного сутулая...

— Что?! Ты издеваешься! Я сам сейчас из тебя сделаю Снегурочку под пекинским соусом! — Сережка не на шутку разошелся. Его пришлось успокоить, сказав, что вопрос пока остается открытым и, в крайнем случае, он сможет претендовать на роль сторожевой собаки, но это будет совсем не то..., не так празднично. Снегурочка, все-таки, человек, и лицо вполне уважаемое. А для ради хохмы ничего лучше не придумать. И еще один аргумент, сыгравший в последствии решающую роль, — Демушкин мог стать самой страшненькой из всех Снегурочек в мире, а возможно, и во времени.

Когда же дело дошло до меня, я не стал выслушивать Шуркины комплименты и опередил его:

— Согласен быть привлеченным на бал в качестве оленя, имею круглые глаза и широкие ноздри.

— Вот. То, что надо! — приободрился Бадацкий, — а рога мы тебе сделаем, вещь не хитрая. Гордиться будешь. Учись трубить, не крути хвостом и тренируй горло.

Ну что же, будущее понемногу начинало проясняться. Теперь самым узким местом оставались подарки. Выпрашивать их у друзей было глупо. Они должны быть пусть маленьким, но сюрпризом. Что делать. Единственная правильная мысль пришла в голову сразу всем. Их нужно заслужить, причем заслужить так же, как это потом будут делать те, для кого мы их раздобудем. Это означало, что нужно идти в городской парк и накануне Нового года участвовать во всех конкурсах, где только нас смогут принять. К слову сказать, нам это было не в первой, а дурачиться в парке в свободное время мы и раньше любили.

Сказано — сделано, нам собраться — только подпоясаться, тем более, что и пояс у нас теперь был, почти настоящий дедморозовский.

Городской парк был чист и опрятен, как Финляндии. Было так потому, что накануне выпал новый снег и припорошил все, что попадая в область видимости могло испортить настроение. Окуркам, оберткам, полиэтиленовым пакетам и пустым бутылкам суждено теперь было взойти из под снега только весной, вместе с первыми подснежниками. И все же парк был русский, он был засыпан практически трезвым, но веселым русским народом и по-русски гудел и громыхал удалыми музыкальными композициями, летевшими из разбросанных в разных местах по фонарным столбам динамиков. Дорожки парка уже были основательно утопаны, на под ногами снег все же скрипел, хотя и очень тихо, из чего следовало, что сильного мороза не было и не ожидалось. Для нас это было очень кстати, ведь аттракционов мы хотели, вернее, нам нужно было посетить множество. И не только посетить, но и активно участвовать в них.

Вот мы и начали участвовать. Не будем вдаваться в излишние подробности, просто приведем список видов многоборья, в которых в разной степени удачливости нам посчастливилось завоевать призы:

- 1) бег в мешках (победил Демушкин),
- 2) попадание снежками в цель (я был в числе первых пяти призеров),
- 3) отгадывание загадок (один из призов достался Каткову),
- 4) перетягивание каната (мы были вторыми),
- 5) тир (Бадацкому равных не было),
- 6) конкурс пляски (все получили утешительные призы),
- 7) командный конкурс чтения стихов (мы были первыми!).

Поэтический конкурс был последним из всех, в которых мы участвовали. Не знаю наверное, но может быть поэтому он больше всего запомнился. К началу конкурса мы прилично вымотались и, честно говоря, собирались идти домой, к тому же, сувениров удалось-таки добыть приемлемое количество. Однако, оказалось, что массовиками—затейниками наша команда была взята на заметку, и они, незаметно для нас еле уловимыми жестами “передавали” активных студентов от конкурса к конкурсу. На самом выходе с площадки гуляний мы были остановлены энергичной ряженой дамой богатырского телосложения. Щеки ее горели алыми румянами, брови были до блеска начищены гуталином или чем-то таким, крупный рыхлый нос и массивный подбородок были сами по себе достаточно колоритными.

— Куда?! — встала она поперек нашего пути и принялась убеждать, для доходчивости дважды повторяя концы своих фраз — давайте, ребятки, ну-ка, ну-ка, последний конкурс, конкурс поэзии. Кто знает стихи? Давайте, студентики, активнее, активнее.

— Не знаем мы стихов, — хмуро пробубнил Сережка Демушкин, который одет был легче других и соответствующим образом подмерз.

— Не знаем? А как девушкам будем в любви объясняться? Смелее, смелее. Конкурс простой, командный, как раз нужно четыре человека для команды. Зато уж призы-то, призы!

— Ну ладно, раз командный, — сказал я.

— И последний, — добавил Серега.

— Согласны, у нас еще есть пять минут — закончил Шура.

Ряженая дама быстро сплотила народ. Вышло так, что смотреть конкурс собрались практически все, кто в это время был на гулянии. К счастью, команд образовалось всего три, и это сулило нам неминуемое призерство.

По нашей просьбе нас поставили выступать последними. Дело было в том, что толи от усталости, толи от неожиданности, а толи публики было слишком много, но мы вдруг обнаружили, что никаких стихов вспомнить не можем. Конкурс начался. Лихорадочно мы пытались вызвать в своей памяти

хоть что-то самое простое, но то, что вспоминалось, как-то сразу переставало быть актуальным, потому что сразу начинало звучать со сцены в исполнении других команд.

Хуже всего было то, что конкурс, оказывается, стал усложняться. Если первой команде каждому из четырех человек нужно было просто рассказать стихи на зимнюю тематику, то второй досталось прочитать четыре четверостишья из одного стихотворения, причем каждый последующий декламатор должен был читать следующее четверостишье.

В первой команде были только девушки-школьницы. Они без труда рассказали о елочках и дедах морозах. Вторая команда была семейной: среднего возраста были отец с мамашей и две дочери-близнецы лет восьми. У них что-то не заладилось, и они смогли прочитать только три четверостишья, хотя это и было банальное пушкинское Лукоморье из “Руслана и Людмилы”.

Хуже всех, как и следовало ожидать, пришлось нам.

— Я чувствую, вы очень хотите выиграть! — на весь парк орала в микрофон ряженая, — вот вам мое условие. Мы признаем вас победителями только в том случае, если один из вас прочитает стишок, начинающийся с буквы “А”, второй — с “Б”, третий — с “В” и последний — с “Г”! Готовы?

— Все, наступает пушной зверек, — обреченно промолвил Демушкин.

— Что-что? — переспросил его Катков.

— Песец пришел, говорю, вот что, — уже со злобой довольно громко сказал Серега, слегка трясущийся не то от страха, не то от холода.

Признаться, мы с Катковым по-своему разделяли это опасение. Но помощь пришла с неожиданной стороны. Вот когда мы оценили всю находчивость Бадацкого.

— Не трясись, мужики, — приободрил он нас, — в штаны наложим, но не сдадимся! Вспоминайте песни советских композиторов. Где чего и забудете, вставляете что-нибудь свое. Здесь публика не избалованная. Короче, делай как я!

— Раз, два, три, начали! — скомандовала в микрофон ряженая, и передала его Бадацкому.

Шура подмигнул нам, вышел вперед и, видимо, немного затягивая время для нас, картинно и низко до пола поклонился. Затем он зачем-то медленно расстегнул пальто, тщательно расставил ноги по диагонали, как метатель диска, сорвал с себя шапку, и зажав ее в руке, начал ей размахивать в такт стихам. Маленький стишок он читал долго надрывно, чеканя, как Маяковский, каждое слово.

А ну-ка... ,

девушки,

А ну.... ,

красавицы,
Пускай...
поет о нас страна,
И звонкой
песнею...
Пускай
прославятся...
Среди ковбоев
наши ... имена.

Шура делал ударения на некоторых словах и при этом резко опускал руку с шапкой вниз. В конце он для большего эффекта бросил шапку под ноги и низко-пренизко поклонился.

Очень может быть, что ряженая затейница просто сняла бы его с конкурса за такую явную халяву. Дисквалифицировала, так сказать. Но артистизм Бадацкого попал в точку. Кучка молодых людей, стоявших несколько поодаль, оторвали свое внимание при первых же шуркиных словах от кружек с пивом и приблизились к сцене. Когда же Бадацкий закончил, они захлопали, засвистели и стали пьяновато орать: “браво!”, “брависсимо!”, “бис!”, “биссимо!”, “пианиссимо!” и еще что-то в этом роде. Волей—неволей следом за ними пришлось начать аплодировать и остальной публике. Вышло так, что подобного приема предыдущим командам слушатели не оказали.

Слегка смущенная таким развитием событий, затейница вынуждена была произнести:

— Ну ладно, пусть будет так, — и тут же, — следующий! На букву “Б”!

Что делать, я решил продолжить игру в том же духе, но при этом принять лирический образ Сергея Есенина. Раскинув руки в стороны и изобразив на лице меланхолию я начал.

* * *

Бабушка козлика очень любила, [рука прижимается к сердцу],
Бабашка козлика в лес отпустила, [большой палец указывает за спину]
Вот как, вот как, очень любила, [большой палец вверх]
Очень и очень—приочень любила. [хватаюсь за горло]

* * *

Напали на козлика серые волки, [хватаюсь за голову]
Напали на серого серые волки, [машу в сторону милиционера]
Остались от козлика рожки да ножки, [Шура “приставил” мне рога]
Вот как напали они на него. [Кланяюсь]

Не хочу хвастать, но в публике фурор! Слышатся крики “молодцы!” и так далее. Ряженая, смущаясь и, слегка посмеиваясь, дает дорогу Каткову.

Мы с Шуркой вдруг разом понимаем, что тюфяк-Мишка сейчас все испортит. Он по природе своей настолько серьезен и предан комсомолу, что полностью выпадет из нашей артистической обоймы. И тут мы понимаем, что игрой ему нужно помочь. Мы перемигиваемся и становимся за мишкиной спиной, чтобы его не сбивать с настроения, а публике все же было нас видно.

Мишка начал на букву “В”.

* * *

Веди, Буденый, нас смелее в бой,
Пускай пожар кругом, пожар.
Мы — беззаветные герои все,
И вся—то наша жизнь и есть борьба.

Пока Катков читал, Шурка вскочил ко мне на закорки и стал размахивать невидимой шашкой. В конце же стиха я Шуру сбросил с себя. Мы начали делать вид, что боремся, и я одержал победу. Публика зашлась от смеха. Думается, Мишка спокойно прочитал бы еще три-четыре куплета, ведь он их точно знал, но увидев, что зрители его не воспринимают всерьез, стушевался, стал оглядывать себя, нет ли каких изъянов в одежде и сразу заметил нас с Бадацким. Катков явно обиделся и, надувшись, отошел в сторону. Но главное было сделано. Теперь на нашей стороне были, практически, все.

Дело оставалось за малым — за Серегой. А он, как назло, мелко стучал зубами и ежился. Видно было, что он так ничего и не придумал на букву “Г”. Это вдруг стало понятно всем. Демушкин стоял, опустив голову, и выходить вперед не собирался. Ряженая тут же подскочила к нему и, уже предчувствуя наше поражение, попросту вытолкнула Демушкина вперед:

— А теперь “Г”!, — закричала она, — буква “Г”, ну?

Сережка стоял один впереди сцены и молчал. Тишина вдруг наступила и вокруг площадки. Все увидели бедного замерзшего студента, которому и есть—то приходилось не досыта, да мало ли еще на его долю выпало в жизни всяких бед, а тут вот... И вдруг Демушкин безнадежно махнул рукой, но весьма внятно в микрофон произнес первые слова:

“Гоп со Смыком — это буду я.”

Публика взорвалась. “Публика взорвалась”, — так говорят дикторы, комментируя яркие эмоции, происходящие в зале. Два основательно замыленных слова. А я тогда впервые понял, что это такое. Нам всем стало ясно, что такое настоящий успех. “Это победа!” — кричал Шурка. Искренне аплодировал я. “Молодец!” — кричал Катков. Но Серега поднял вверх свою худую руку и закричал в микрофон:

“Граждане, послушайте меня.”

Зрители, засмеялись, немного похлопали и затихли, дав Демушкину закончить:

“Ремеслом избрал я кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Исправдом скучает без меня.”

“Да. Это было что—то. “ — так говорят те, кто не знает, что, собственно говоря, было. Мы подняли Сережку на руки и пару раз качнули вверх—вниз, чтобы ни у кого не оставалось сомнения в нашей победе. А сомнений ни у кого и не было. Так и вышло, что первый приз — наш. Каждому из нас вручили по весьма изящной керамической ночной вазе. Командам со вторым и третьим местами достались дешевенькие шкатулки и маленькие сборники стихов советских поэтов. Правду сказать, поначалу нам показалось, что наши подарки уместнее было отдать занявшим третье место. Однако, ряженая предъявила нам ведомость, где в графе “место” значилось Ё1, а в графе “призы” — “горшок керамический — 5 шт.”. За получение призов нам пришлось расписаться. Лично я поставил одну из своих любимых подписей для таких случаев: это было обильно замаскированное завитушками слово “Управдом”, но если хорошенько присмотреться, оно вполне нормально читалось. Бадацкий в свою очередь спросил, “где же пятый горшок?“, но быстро прекратил дискуссию, получив встречный вопрос, дескать, “а зачем ему, студенту, два горшка, ведь у нас и более богатые люди обходятся одним”. Так или иначе, эти ночные вазы при некотором воображении могли сойти и за обычные цветочные горшки, особенно, если выбросить крышку и не обращать внимания на ручку, предательски торчавшую сбоку. В конце концов, эти подарки могли вызвать улыбку, хотя юмор подобного рода никогда не признавался интеллигентами, и на этих страницах остался только из уважения к чистой правде о реальных событиях, которая в России чаще всего оказывается либо кондовой, либо посконной, ну сермяжной, на худой конец. Главным итогом всей вылазки в парк было множество безделушек, которые теперь можно было раздарить братьям нашим юным.

ДЕД МОРОЗ & САНТА КЛАУС

Серьезный успех предварительного этапа подготовки к празднованию Нового Года не замедлил сказаться на наших дальнейших успехах. Очередной из них заключался в том, что как-то сама собой нашлась синяя шуба, выполненная в качестве самодеятельного творчества нашим товарищем Зеленым Змием из синей фуфайки в совокупности с надетым сверху синим лаборантским халатом. Воротник шубы искусно был свалян из матрасной ваты. Ко всему прочему, у соседей-девчат с нижнего этажа удалось выпросить белую ажурную шаль для снегурочки и старый парик, изредка использовавшийся в постановках студенческого театра эстрадных миниатюр СТЭМ. И то, и другое было основательно продегустировано молью, но нарицательного своего названия не поменяло. Нужно было видеть, как при этом засветились глаза Сережки Демушкина, ведь в этом случае забота была проявлена и о нем, что в его судьбе вообще было редкостью. И хоть об этом заранее позаботился Шура Бадацкий, но просьба девчат к Демушкину “сыграть” Снегурочку тронула его до самой печенки и стала главным фактором в принятии стратегического решения. Серега согласился на роль! Что там говорить обо мне. Мы, северные олени, существа неприхотливые. Узкий ремешок вокруг головы и стянутые им две сухие тополиные ветки — все, что было нужно, разве что еще коричневые тени вокруг носа и губ. К 22-00 нарядились, в общем.

Сценарий писать было некогда, и он должен быть рождаться как результат импровизации. Нашими подарочными мешками стали наволочки от наших же подушек. Горшки поделили поровну, то есть каждый взял свой. В питье спиртного и прочих угощениях предлагалось вести себя с

достоинством, фантастической умеренностью и, можно сказать, целомудрием. Совершенно ясен был лишь порядок обхода. Мужская часть студенчества жила на втором и четвертом этажах, женская — на первом и третьем. Было решено идти строго сверху вниз. То есть, сначала посещаем мужскую молодежь на четвертом, затем женскую на третьем и так далее, если это “далее” получится. Кстати, на втором этаже среди прочих жили и мы сами. Кроме того, заходить решили только в те комнаты, в которых есть цифры, наиболее близкие к цифрам нового, 1982 года.

Теперь давайте вкратце посмотрим, как это у нас получалось.

Комната 82

— Тук, тук, тук, кто в тереме живет, кто встречает Новый Год? — Санта Клаус весело распахивает дверь.

В комнате за столом сидят трое ребят, по всей видимости, второго или третьего курса. Один, прилично упитанный, видимо, с третьего, двое других, по виду из республик Средней Азии, скорее всего со второго. На столе стоит трехлитровая банка чего-то красного, вокруг нее разложены сухофрукты: курага, инжир, изюм и чернослив. Напротив каждого из студентов лежит также по паре пирожных и по одному непонятному продукту светло-желтого цвета в форме небольшой круглой плюшки. Думается, это также что-то из национальной кухни.

— Салам алейкум, джигиты! О, да у вас Курбан Байрам! — начал Санта Клаус, — а мы тут с Дедом Морозом и Снегуркой на олешках прискакали с приветом из солнечной Якутии. Ну-ка, Дед Мороз, скажи им поздравление.

Дед Мороз, хоть и жался где-то почти за дверью, вынужден был войти:

— Здравствуйте, дети! Ехали мы через леса, поля и горы, — он оглянулся на меня и уточнил, мотнув головой, — вот на нем. И вот приехали к вам, чтобы поздравить с Новым Годом и Рождеством Христовым! Я, поскольку Дед Мороз, то подарки вам принес.

Тут он посмотрел на Клауса и тихо спросил:

— Ну что, дарить что ли?

— Цыц, дедуля, — цыкнул Санта Клаус, — пусть сначала они их заработают, как мы зарабатывали.

— А как вы их зарабатывали? — с удивлением спросил толстый.

— Мы, мальчик, зарабатывали их трудом, снег делали, реки льдом заковывали, олешков, опять же, пасли, — Клаус тоже показал на меня, — а тебе придется на чем-нибудь потешить, подумай, что ты умеешь.

— Позабавь нас, позабавь, — добавил Дед Мороз, приближаясь к толстому.

— Да што он вам сделал?, — вдруг сказал один из азиатов, — он тут сидел тихо, спокойно, кушат вот тут собирался.

— Конечно, он просто сидит и все, — подтвердил второй азиат, — не надо им забавиться, он больше так не будет.

— Да вы чего, детишки, — поспешил я всех успокоить, хоть и должен был играть роль бессловесного оленя, — что мы, звери какие, нужно просто что-то спеть, станцевать или прочесть, — потом вам будет от нас подарок.

— Ах, ну как он будет пет и танцевать, он же не в гарэме, да, — возразили азиаты.

Толстый как будто что-то понял, но после этих слова мелко затрясся и побледнел.

— Объясняю медленно, чтобы было понятно не только самым тупым, но даже всем вам, — вмешался Санта Клаус, — нужно просто прочесть стишок, вот и все. Ну, давай...

Толстый вдруг скорчил слезливую гримасу:

— Ну какой стишок, не умею я, отпустите, пожалуйста, ну какой такой стишок?

Нам всем стало очень неловко и даже стыдно за этого дурака-слюнтя и двух непонятливых его друзей. Возникла даже небольшая заминка. Первым терпение лопнуло у Снегурочки. Она подскочила к толстому, который тут же встал со стула и пытался попятиться, слегка постучала ему пальцем по лбу и крикнула:

— А ну, читай стихотворение на букву “Г”!

И тут произошло чудо, которое, скорее всего, можно объяснить большим количеством адреналина, хлынувшего в кровь юного студента, он не очень внятно, но продекламировал:

Гаснут дальней Альпухары,
Золотистые края,
На призывный звон гитары,
Выйди, милая моя.

— Ну вот, хорошо, молодец! — похвалил его Дед Мороз, — а вы, детишки, — он посмотрел на азиатов, — что изобразите вы?

Те так ничего и не поняв, встали из за стола и плавно проделали руками в воздухе какие-то мудреные танцевальные жесты, с закрытыми ртами промычав такую же мудреную еле уловимую мелодию.

— Прекрасно! — облегченно выдохнул Дед Мороз и, достав из мешка свою ночную вазу, протянул ее толстому, — а теперь вот тебе.

У того снова округлились глаза.

— Это зачем, мне не надо... — начал было он.

— Бери, бери, это наш подарок, — настояла на своем Снегурочка, — вот именно таким, как ты и надо.

Азиатам же Санта Клаус подарил по воздушному шарiku и игрушечную машинку, одну на двоих:

— Берите, будете катать на досуге. Ты — ему, а он — тебе.

— Ну ладно, мы пошли, счастья вам в новом году, хорошей успеваемости и мира на всей планете, особенно на вашей, — сказал я, собираясь быстрее закончить этот неудачный дебют.

— Ну да, мы бы и пошли, — согласился Санта Клаус, — да вот олени у нас неделю, как не поены. Что там у вас в банке-то?

— Ах, конэшно, садыс, пей, кушай, буд гостем, — наперебой стали приглашать азиаты.

— Нет-нет, — остановил их Клаус, — мы должны идти, можем только по глотку.

По глотку нами тут же было выпито, Клаус взял с собой также немного кураги и круглую белую плюшку, оказавшуюся в последствии сушеным козьим сыром. Мы картинно поклонились и быстро вышли в коридор.

— Я думаю, они сейчас просто счастливы, — подытожил Бадацкий, — и хорошо, что один горшок сплавил в хорошие руки. Отдыхимся и пойдем дальше. Чувствуете, как прибывает настроение?

Несмотря на явное театральное фиаско, настроение почему-то действительно улучшилось. Нам захотелось совершенствоваться в новом амплуа. И мы пошли дальше.

Комната 88

Это была комната Зеленого Змия. С ним проживали два первокурсника и третьекурсник. Первокурсников звали Витя и Володя, а третьекурсника — не важно как, так как его в комнате не было, он уехал на праздник к родичам. Змий, так же, как и мы, готовился к защите дипломной работы и был не прочь подурачиться. Возможно читатель уже догадался, что наш друг любил горячительные трети блюда, поскольку такие красочные псевдонимы общественностью просто так не присваиваются. Он и в этот раз уже был по его словам “чуть—чуть под шкафе”. В этом состоянии он из обыденного вялого флегматика превращался в незаурядную холерическую натуру. Именно поэтому Дед Мороз и Санта Клаус даже не успели поздороваться.

— О-о-о! Привет, привет! Это кто к нам в гости пришел? Дед Мороз and Санта Клаус? — Змий закатился безудержным смехом и затряс при этом обоими кулаками с поднятыми большими пальцами, — Ну класс! А это кто, Снегурочка? Здорово, шампур ей в зубы. Ух ты, у тебя уже рога, — посмотрел он на меня, — Ты же вроде не женат, или ты, так сказать, заранее..., или я в этой жизни что—то пропустил?

— Приглуши свой жизнерадостный фонтан, Зеленый, — ответил я, — Я олень, и примчался сюда с Крайнего Севера. Народ там живет суровый, и мы, олени, тоже можем при случае съездить.

— Так это ты удрал от сурового чукотского народа, заездили тебя бедного, чума ты болотная. И куда это вы, олени, можете сейчас съездить, — продолжал заразительно смеяться Змий.

— Между глаз, например, — остудил его я, — копытом между глаз.

Предупреждение возымело правильные последствия. Зеленый хоть и продолжал улыбаться, но, наконец, замолчал и вопросительно посмотрел на Санта Клауса.

— Мы сейчас из Копенгагена, — сказал Санта, — обходим дома, предприятия и общаги, дарим подарки, и поздравляем с Новым Годом! У вас дети есть?

— Есть-есть, — закивал Зеленый Змий, — вот они, — Витек и Вовчик — примитивные несформировавшиеся организмы. Трудно мне с ними, никак не могу вспоить и выкормить. Очень медленно растут, хрена им в манную кашу.

Тут мы постарались внимательней разглядеть “примитивные организмы”. Большеголовые, худые, с узкими круглыми плечами, они чем-то походили друг на друга и действительно напоминали детей из детсада. Ребята прятали глаза, и было видно, что они не очень-то желают участвовать в нашем шоу, и что было бы хорошо, если бы эти ряженые дяди взяли с собой Зеленого Змия и куда-нибудь увели.

— Вот к вам-то мы и пришли, — сказал Санта Клаус, как отрезал, слегка подтолкнув при этом Деда Мороза.

— Здравствуйте, дети! — пробасил тот.

— Ну, что нужно сказать? — подбодрила ребятшек Снегурочка.

— Здравствуйте, — вежливо ответили дети и поднялись со своих мест.

— А теперь отгадайте загадку, — продолжил Дед Мороз, — без окон, без дверей, полна горница людей. Что это такое?

— Огурец, — как в школе ответил Витек.

— Какой же это огурец, — пристыдила их Снегурочка, — в огурце, дети, семена и мякоть. И вообще — там больше 90% воды. И потом. Речь, все-таки идет о горнице, то есть о каком-никаком помещении. Так ведь, Дедушка? — обратилась она к Морозу.

Тот почесал затылок и пожал плечами.

— Ответ на эту загадку, детки, — поспешила на помощь стушевавшимся ребятам Снегурочка, — “КП” зенитно-ракетного батальона. Это вы узнаете, когда подрастете, годика через три. Отгадайте лучше мою новогоднюю загадку: “Сначала ни фига, совсем ни фига. Потом как фиганет, как фиганет. И ... Фигушечки, фигушечки... А потом опять ни фига.”

— Это, наверное, *залл* зенитно-ракетного батальона, — ответил Вовчик.

— Ну надо же, мальчик, ты молодец. Думаю, когда тебя из института отчислят, ты сможешь найти себе достойное применение, — сказала

Снегурочка, — только ты немного не прав. Это загадка — новогодняя. А потому — это просто салют, или, например, фейерверк. Плохо, что—то, они разгадывают, — возмутилась дедморозова внучка, и посмотрев на Санта Клауса, спросила — может пусть стишок расскажут на букву “Г”?

— Да ладно, хватит пугать детей, — сказал Санта, — они не специально, просто еще неграмотные, маленькие. Предлагаю вручить им подарки.

Дед Мороз одобрительно кивнул и, пошарив рукой в своем мешке, достал им набор цветной бумаги:

— Это вот вам для поделок, или для стенгазет, а может и еще для чего сгодится.

— Правильно! — радостно добавил я, — а вот и комплект к бумаге, — и достал вазу из своего мешка, — этот подарок называется “чаша изобилия”, неразлучный спутник счастливой жизни и обильного питания. Пусть эта чаша всегда сопутствует вам во всех ваших начинаниях и всегда будет полна до краев!

Я протянул им горшок. Однако, ребята засмутились, и спрятали руки за спинами. А Вовчик даже неожиданно осмелел:

— Вы знаете, нам неудобно принимать такой дорогой подарок. Тем более, что вы, как олень, сможете один наполнить ее быстрее, чем два худосочных ребенка.

— Что?! — вскричал я, — да если хотите знать, нам, оленям, вообще такая роскошь ни к чему. мы считаем своей “чашей изобилия” всю бескрайнюю тундру, она нас и кормит, и поит, и наоборот. А чтобы вас убедить, я могу съездить...

— Не надо, не надо, мы принимаем ваш подарок, — согласились Витек и Вовчик.

— Что нужно сказать? — стала подсказывать Снегурочка.

— Спаси-и-и-бо, — врасяг хором сказали дети и быстро спрятали горшок под кровать третьекурсника.

— Как—то сухо звучит, — вдруг оживился Зеленый Змий, до сих пор наблюдавший всю эту сцену со снисходительной улыбкой, — пожалуйста к столу, дорогие заморские гости. Отведайте наше скромное угощение, пеньки трухлявые.

И нами было отведено. Где Змий брал самогон, никто в общаге не знал. Сам он его гнать не мог, попросту негде. Никто также не видел, чтобы он отлучался куда—то из общежития, кроме как на занятия в вуз, да, по правде сказать, это тоже удавалось увидеть редкому счастливчику. Но напиток оказался чистым по выражению Зеленого, “как слеза Снегурки” и крепким по его же словам “как ... у Деда Мороза”.

Из комнаты мы вышли с осознанием большой творческой победы. Еще больше поднялось наше настроение, еще больше выросло и театральное

мастерство. С таким высоким мастерством, по общему мнению, пора было идти этажом ниже, то есть к девочкам. И мы спустились ниже. Ради справедливости стоит добавить, что к этому времени внутрижелудочный коктейль из азиатского вина с русским самогоном внесли некоторые поправки в наш внешний облик, душевные качества и степень владения языком.

Комната 58.

Тут нужно было действовать предельно деликатно. Мы тихо постучали в дверь и не стали входить, а перешли в фазу ожидания.

— Кто там? — откликнулось сразу два или три девичьих голоса.

— Дед Мороз!

— Санта Клаус!

С предельно возможной трезвостью сказали одновременно Катков и Бадацкий. Вышло что-то вроде “Данта Кроуз”. Поэтому Демушкин решил внести ясность, чуть позже громко добавив:

— И Снег-гурочка.

За дверью стало тихо. Никто не отзывался. Глазков в наших дверях никогда не было и девочкам, видимо, пришлось производить анализ на слух:

— Что еще за Снегурочка? — послышалось из за двери.

— Новогодние подарки: хлопушки, шарики, вазы, от Санта Клауса из Норвегии — уточнил Санта Клаус.

Волшебное слово «Норвегия», впрочем, как и любая другая не наша страна, вызывали в те самые годы живое и непреодолимое любопытство. Будь то даже питающийся живыми ящерицами полуголый абориген далекой Австралии, в России он всенародно приобретал таинственный статус иностранца, что оценивалось всегда что-нибудь вроде инопланетного существа с высшим разумом. Даже самые дешевые безделушки, неведомо каким путем пересекшие государственную границу уже представляли собой нечто среднее между реликвией и святыней.

Дверь была отворена, остальное было значительно проще. Мы гуртом ввалились в маленькую ухоженную комнатушку.

— С Новым Годом, девушки, с новым счастьем — радостно и как-то по особенному благодушно воскликнул Санта Клаус и потряс перед собой мешком, — подарки из Норвегии, — интригуяще уточнил он.

— А я, товарищи, Дед Мороз из Великого Устюга, тоже с подарками и наилучшими пожеланиями, — поспешил представиться Дед Мороз.

— Снегурочка, — коротко сказала Снегурочка, вытянувшись в струнку, по—армейски щелкнув каблуками ботинок и шутливо отдав честь вскидыванием руки.

— Редкий Северный олень из заполярья, — представился я.

К нашему счастью девчонок было четверо, видимо, собравшихся из разных комнат, и они совсем не испугались.

— А Вы — Пятнистый олень? — спросила бойкая рыженькая девица, курносовая с изящной талией и довольно полненькими ногами.

— Только когда выпью самогон, — сознался я, так как глупо было отрицать очевидное.

Напротив меня висело небольшое зеркало, в котором хорошо был виден припьяноватый олень с покосившимися рогами и неравномерным пятнистым румянцем.

— Какими судьбами, дорогие северяне, и почему вас так много? — спросила русая высокая студентка с отчаянно синими глазами.

— Гольфстрим, сударыня, будь он неладен — рассудительно пояснил Санта Клаус, — снес мою быстрокрылую ладью аж к Архангельску, чуть не утонул. Вот им спасибо, вижу едет дед этот на оленье, ну и скорешились. Выпили чуток, чтобы не замерзнуть, — холод кругом собачий.

— А Снегурочка тогда откуда? — спросила рыженькая.

— Я из Череп-повца, и бабка там моя живет, сейчас на пенсии — честно созналась Снегурочка, — а раньше она работала на Металлургическом комбинате вахтером, а я — на сварке.

— На какой такой “сварке”? — удивилась рыженькая.

— Вот как, так вы и через Череповец проезжали? — спросила синеглазая.

— Да нет, мы там не были, — вдруг сбил всех с толку Дед Мороз.

— Не сегодня, — поправил его Клаус, — сегодня не были, третьего дня были там, вот ее подобрали, варит хорошо: чай, кофе, шоколад горячий, пунши и глинтвейны.

— Самогон варит, — добавила Снегурочка, видимо, плоховато соображая, о чем идет речь.

Рыженькая и синеглазая осудительно покачали головами и уже намеревались принять боевые позы для отпора врагу, как тут неожиданно подали голос две оставшиеся девчушки, скорее всего, первокурсницы:

— А что за подарки они предлагали? Заграничные?

— Да, какие у вас подарки? — с озорством накинулась на Санта Клауса рыженькая, — помнится, кто-то говорил о норвежских вазах.

— Вы что, не русские? Сначала стишок или танец или песенку, так ведь, Дед Мороз? — не уступал Клаус.

Дед Мороз молча привалился к стенке и энергично кивнул, подтверждая таким образом русские традиции.

— Вазу подарите, тогда споем, — вступила в бой синеглазая.

— А, ладно, — махнул рукой с деланным сожалением Санта Клаус, — будет вам ваза, пойте.

Девчата пять секунд пошептались и смелым слаженным хором запели:

Есть на свете цветок алый-алый,
Яркий, солнечный, будто заря,
Самый сказочный и небывалый,
Он мечтою зовется не зря.

Они старательно и звонко спели четыре куплета, театрально поклонились на наши горячие аплодисменты и потребовали:

— Вазу сюда, она наша.

Мы с Дедом Морозом и Снегурочкой попятнулись к выходу, предчувствуя недоброе. Но мы опять недооценили Санта Клауса. Он был тонким дипломатом и знатоком софистики и эклектики, возможно, даже не представляя, что это именно так называется в философской науке. Клаус не спеша достал шоколадные конфетки и приподнес по одной каждой из девчат, затем подарил по детскому свисточку и набору елочного серпантина. Делая это, он все время приговаривал:

— Это еще не все, еще не все, держите красавицы, кто сколько унесет!

В конце концов получилось, что руки у всех девчат были занятыми дешевыми безделушками и, следовательно, опасность дальнейшего отпора была существенно снижена.

— А теперь главный подарок: ваза под ночной цветок вашей мечты.

— Цветок на букву “Г”, — пьяно добавила Снегурочка, но по-видимому, никем не была принята всерьез.

— Прошу закрыть глаза и сосчитать до десяти, — объявил уверенным, не терпящим возражения тоном Санта.

Девчата покорно закрыли глаза и вслух громко принялись считать до десяти. Мы быстро сориентировались и, поставив ночную вазу на праздничный стол, тихонько, но с достойной скоростью ретировались. Спуститься на этаж вниз в свою комнату нам хватило бы и шести секунд, что уж тут говорить о десяти. Еще один этап профессионального роста был пройден.

Дома мы решили малость отдышаться, подвести промежуточные итоги и принять решение о дальнейших действиях. Итоги оказались положительными, ибо то, что удалось добыть с праздничных столов наших подопечных в качестве чаевых за спектакль и подарки, оказалось отнюдь не объедками, а вполне полноценной закуской и алкоголизированными напитками. У нас появились сыр и колбаса, множество конфет, кое-что из выпечки и рыбных консервов. Консервами нас угостил на прощанье Зеленый Змий, который всегда чутко относился к нуждам своих друзей.

Таким образом, мы теперь могли не спеша подкрепиться частью добытых даров благодарного зрителя. Так что, и выпили, и закусили. Мы,

как могли, веселились, вспоминали детали своих вылазок и делали поправки на будущее. И тут нужно отдать должное нашей коллективной мудрости, поскольку было принято взвешенное решение прекратить дальнейшие спектакли, ограничившись последними гастролями в комнате знакомых нам девушек. Знакомые — очаровательные соседки, живущие прямо под нами: Оля, Тамара и Алена. Как-то раз мы уже имели счастье познакомиться с ними, когда отмечали двадцатилетний юбилей Мишки Каткова. Чего скрывать, у нас было понимание того, что наш возросший талант на текущий момент с лихвой компенсируется серьезным образом пониженным уровнем трезвости, в особенности в отношении Демушкина. Но оставался еще один горшок, и что-то нам подсказывало, что начатое нами большое дело нужно довести до конца, а значит, все подарки должны быть доставлены детям. На этот раз подарок мы предусмотрительно завернули в несколько газет и туго, на узлы, перевязали бечевкой. Снегурочке было строго рекомендовано держаться за оленя и по возможности делать вид, что она на нем как бы едет и одновременно осуществляет за ним уход. Внутренне пожелав себе удачи, мы двинулись на последние гастроли. И вот — комната наших соседей.

Комната 28

Стучал в дверь Дед Мороз, он был трезвее всех и, пожалуй, единственный во всей компании мог твердо и внятно выговорить каждое слово:

— Это, девки, Дед Мороз, он подарок вам принес, из Великобритании.

То, что Дед спутал слова, “дети” и “девки”, а также Норвегию с Великобританией было не страшно. Важно, что он произнес их внятно и трезво, по крайней мере, на наш взгляд.

— Кто, кто? — послышалось из за двери.

— Санта Клаус! По-подарки из Норвегии, Новый Год и так далее, — громко сказал Клаус.

Волшебные слова возымели мгновенное действие, и дверь была открыта. Девчата сначала с недоумением уставились на мало на что похожую компанию.

— И пришли мы оттуда, — не здороваясь продолжил Санта Клаус многозначительно показав пальцем на потолок.

— Господи, это кто такие? — спросила Тамара.

Мы представились:

— Дед Мороз!

— Санта Как-клаус!

— Сеер-рный олень!

— Ну-ну, — почему-то сказала Снегурочка.

— А, кажется, понятно, — узнала нас Ольга, — а вы, наверное, Снегурочка? — догадалась она, — а почему у вас в руке стакан?

Тут мы все обратили внимание на Снегурочку, которая одной рукой усиленно держалась за оленя, а из другой на выпускала обыкновенный граненый стакан. Где и когда она успела его цапнуть, никто не видел.

— А, ну... это она того... Цветы по-поливала, — выручил всех Санта Клаус.

— Какие же цветы зимой? — немного искусственно удивилась Алена.

— На букву “Г-э-э-э”, — сказала Снегурочка.

— Это что за цветы на букву “Г”? — спросила Алена.

— Гадлиослусы..., гладлиолсу..., — начал было формулировать я название цветов, но почему—то не получалось.

— Герань! — вдруг выпалил Санта Клаус, — с-сейчас ее в Норвегии много.

И Санта произнес долгую и путаную речь о гольфстриме, Череповце, холодах и новогодних елках. Он говорил, как тяжело сейчас Северным пятнистым оленям и что если бы не Новый Год, то мы не стали бы приезжать в холодную заснеженную Россию и дарить подарки детям, которых мы уже обошли несколько миллионов. Он говорил, что мы очень устали и еле держимся на ногах, что тяжелее всего Снегурочке, ведь она слабая и хилая, а кормить ее нечем, и что от дальней дороги у нее горло пересохло, поэтому, дескать, она все пьет и пьет. Говоря речь, Санта Клаус поминутно оглядывался на нас, и мы все усиленно кивали головами в подтверждение сказанного за исключением Снегурочки. Ее периодически передергивало, она, брезгливо выпятив нижнюю губу и сморщив нос, тарасила на окружающих слегка окосевшие глаза и вместо того, чтобы поддакивать Клаусу, довольно внятно произносила: “Ну—ну...”.

В заключительной части своего горестного повествования Санта Клаус подчеркнул:

— В Новый Год все подарки хор—рши, даже кер—рмические вазы отечественного производства.

— А теперь, — при этих словах он снял красную шапку и с мольбой прижал ее к груди, — мы просим принять вас этот нескромный подарок взамен на песню или стихи, или другие пищевые продукты.

Девчата поняли, что деды морозы шли с верхнего этажа, действительно устали и решили быстренько нам подыграть. Они спели пару куплетов про возвращение лесного оленя из оленьей страны, быстро собрали нам немного жратвы, приняли в подарок пакет с вазой и проводили нас за дверь с пожеланием счастливо добраться до своей комнаты и больше никуда не ходить.

Если быть как всегда честным, то как мы добрались до своей комнаты и что было потом, я припоминаю с трудом. Кажется, все обошлось

благополучно. По крайней мере, на следующий год мы смогли проснуться без особых дискомфортных ощущений.

Правда, история эта имела небольшое продолжение, но совсем неинтересное и обыденное. Обнаружилось, что утром перед нашей дверью стоят четыре новеньких керамических горшка. Было несколько обидно, были возвращены подарки, врученные нами детворе от чистого сердца. Горшки пришлось забрать себе и временно спрятать их под кроватями.

А тем, кто “верит в судьбу”, я скажу: “правильно, продолжайте, дорогие”. Если в нее верить, она может преподнести многие приятные вещи. Впрочем, это касается и тех, кто в нее не верит. Вышло так, что 1-го января по общежитию ходила деканская комиссия, в задачи которой входила тщательный анализ и выявление случаев нарушения норм общежития в праздники. И хотя эта комиссия состояла из одного только замдекана и взирала на все происходившее крайне лояльно, но нашей комнате было сделано замечание:

— Говорят, вы тут вчера пошумели, ходили, пугали первокурсников?

— Да что вы, мы и сами вчера были напуганы, — быстро нашелся Бадацкий, — скорую себе хотели вызывать.

— Интересно, а что случилось? — оживился замдекана.

— Нет, это не очень интересно, — продолжал врать Шурка, — отравились в институтской столовке, куда только деканаты смотрят! Весь вечер не могли не то что до туалета дойти, а даже из комнаты выйти.

— Во как! И как же это вы тут управлялись? — хохотнул член комиссии.

— Как-как, как все, — сказал Шурка и вытащил из под своей койки ночную вазу, — таким вот образом.

— Это что, в самом деле? — обратился замдекана ко всем нам.

Мы молча покивали головами и достали из под кроватей свои горшки. Комиссия еще раз хохотнула и, давась от смеха, ушла.

Чуть позже посмеялись над собой и мы, но это уже был смех по существу.

СИНЯЯ МОРДА И КРАСНЫЙ ДИПЛОМ

Будет продолжение...

